

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВА ВОЗВРАЩЕНИЯ НАУКИ ГУМАНИТАРНОЙ ПРИРОДЫ

В. Г. Леонов (Новосибирск)

В статье исследуются процессы гуманитаризации культуры и гуманизации общественной жизни на основе общих демократических принципов в политике, экономике, организации среды. Современное общество, по мнению автора статьи, осознает экологическую, гуманитарную гуманистическую недостаточность современного существования и одновременно – необходимость обращения к новому мышлению, новой деятельности, новому существованию, основой которого может (и должно) выступить гуманитарное образование. Под широким гуманитарным образованием понимается приобщение не только к кругу гуманитарных дисциплин, но и к основам научного знания как такового. В центре предметного поля научного знания находится человек, к какому бы предмету оно ни было обращено.

Ключевые слова: гуманитарное образование, гуманизация общественной жизни, гуманитарные дисциплины, гуманитарное научное знание.

HUMANITARIAN EDUCATION AS A BASIS OF RETURNING TO SCIENCES ITS HUMANITARIAN NATURE

V. G. Leonov (Novosibirsk)

In the article, there are studied the processes of the culture humanitarization and the social life humanization on the basis of general democratic principles in politics, economy, and the environment organization. In the opinion of the author, modern society realizes the ecological, humanitarian and humanistic insufficiency of modern existence and simultaneously the necessity of turning to new thinking, new activity, and new existence whose basis can (and should) be the humanitarian education. Comprehensive humanitarian education is understood not only as familiarizing with a circle of humanitarian disciplines, but familiarizing with the basics of the scientific knowledge as such. Regardless of the subject, in the center of a scientific subject field there is the person.

Key words: humanitarian education, humanization of social life, humanitarian disciplines, humanitarian scientific knowledge.

В настоящее время складываются определенные условия для новых начал интегративного движения процессов гуманитаризации культуры и гуманизации общественной жизни на основе общих демократических принципов в политике, экономике, организации среды. Методология научного

Леонов Василий Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Новосибирской государственной академии водного транспорта.

630005, Новосибирск, ул. Мичурина, 48, к. 507.

E-mail: gtf@nsawt.ru

познания и методология деятельности должны принижать друг друга, и условия для такого взаимопроникновения создаются во многих сферах общественного производства и воспроизводства. В нашем обществе это осуществляется во многом в негативном ключе: общество осознает экологическую, гуманистическую недостаточность современного существования и одновременно сложность обращения к действительно новому мышлению, новой деятельности, новому существованию [3–4]. Активизация в этих условиях проектной культуры, проектных программ интегративного типа – весьма полезное и актуальное дело. Важно, однако, чтобы эти проекты опирались на действительную, реально существующую проектную культуру, основой которой может (и должно) выступать гуманитарное образование. Под широким гуманитарным образованием не следует понимать только приобщение к кругу гуманитарных дисциплин, хотя это приобщение необходимо каждому. Но, по существу, гуманитарное образование предполагает приобщение к основам научного знания как такового. Иначе говоря, такого научного знания, в центре предметного поля которого находится человек, к какому бы предмету оно ни было обращено. Человек должен быть включен в предмет любой научной области настолько ощутимо и полно, насколько это имеет место в реальной действительности. Процесс от гуманитарного образования к возвращению науке ее гуманитарной природы становится в современном социуме едва ли не стержневым в общем движении к новому этапу гуманизации. Но что означает общее движение к новому этапу гуманизма?

Ответ на этот вопрос мы получим, если обратимся к понятию «абстрактный гуманизм» в том его значении, которое принято в философской литературе классической традицией. Эту традицию развивал, как известно, К. Маркс в своих ранних произведениях. По содержанию абстрактный, или отвлеченный, гуманизм близок к тому всеобщему его идеалу, который сопровождал человечество в многовековой его истории. Всеобщее содержание понятия, проведенное к конкретному через систему отвлечений, абстракций, – единственный путь разработки представлений о реальном движении к новому этапу в развитии гуманизма. В этом плане марксизм, развивая классическую философскую традицию, ставил проблемы гуманизма в связь с процессами преодоления отчуждения как господства над человеком опредмеченных социальных и природных «сущностных сил». В этом и заключалась одна из полезных абстракций, к которым, как известно, часто прибегал Гегель, а затем и Маркс. Но эта абстракция становится в системный ряд, как только ее проекции применяются для анализа культуры и искусства, науки и общественных отношений. Но, становясь в системный ряд, абстракция отчуждения, преобразуясь и наполняясь конкретным содержанием контекстных отношений различных областей культуры и общественной жизни, выражает всеобщее содержание отчуждения человека все еще неполно, бедно, односторонне. Следует задать такую систему координат, при которой системные ряды абстракции отчуждения (и его преодоления) выстраивались бы в понятийную систему, тяготеющую к единому основанию. Таким основанием, на наш взгляд, является вырабатываемое общечеловеческой культурой представление о целостном человеке.

Как известно, представление о человеческой целостности разрабатывалось философскими науками, социальным познанием, гуманитарными дисциплинами. Хотя и сейчас существует известная разобщенность этих познавательных сфер как по уровню предметного анализа, так и по познавательным формам и средствам идеализации и фиксации знания: различие языка наук накладывало и накладывает существенный отпечаток на процессы интегрирования знания. Процессуальность становления человеческой целостности в единстве ее всеобщих и индивидуальных проявлений исторически выдвинуло в качестве основной области знаний, синтезирующей данные других наук о человеке, философскую эстетику. Смысл и значение этого явления в истории целостного познания человека, его внутренних и внешних интенций, его жизнетворения в различных видах деятельности, рациональных и интуитивных постижениях бытия художественного творчества, а в последнее время – и научного исследования до сих пор не получили серьезного осмысления в научной литературе. Между тем ряд исследователей, в том числе и представителей естествознания, отмечали необходимость обращения к опыту эстетического подхода к анализу человека и его мира для более обстоятельного раскрытия возможностей целостного изучения личности. Интересно и то, что в последнее время философская эстетика все более настоятельно прибегает к культурологическим средствам познания, осознавая глубокую и прочную укорененность личности, человека в своей истории и, прежде всего, в истории культуры. Истоки и импульсы развития гуманизма, идущие из глубин античной, средневековой, ренессансной культуры, от культур восточных и европейских народов Нового времени, до сих пор нереализованные и до конца не осмысленные, нуждаются в обобщающих исследованиях как историко-культурного, так и культурно-теоретического характера. Здесь лежат истоки объяснения многих проблем, связанных с феноменом человека, изучение которого является ядром гуманизации современного общества. Но едва ли не самое главное в этих культурологических изысканиях – обращение к проблемам художественно-эстетического творчества, всеобщее содержание которого осуществляет становление истинно человеческого в человеке.

Подводя итог многолетних исследований ренессансной культуры и характеризуя своеобразие Возрождения, этой «эпохи – Родины» всемирного гуманизма, А. Ф. Лосев писал: «... вовсе не переход от религиозной веры к безверию, и вовсе не переход от бесчеловечности к человечеству, и вовсе не переход от аристократии к демократии, и вовсе не усиленное занятие древними языками специфичны для Возрождения. А специфичен для Возрождения именно этот переход от абсолютизма бытия к его эстетической данности, которая созерцается совершенно бескорыстно и является предметом живейшего любования. И не точные науки специфичны для Возрождения (искание точного знания никогда не прекращалось и в Средние века), не материализм Нового времени, который мог появиться только после Возрождения, хотя, несомненно, на его основах, и даже не просто светская жизнь (большинство гуманистов были верующими, если не просто монахами). И не возрождение латыни здесь было характерно, ибо в Средние века латынь знали не хуже гуманистов, а то, что она пере-

стала быть только орудием делового общения и стала еще и предметом любования, предметом восхищения, предметом тончайших стилистических наблюдений – вот это действительно нужно считать специфическим фактом именно для Возрождения» [2, с. 149–150]. Характеристика почвы и культуры Возрождения как эпохи, в которой совершается преобразование исторической данности прошлых веков в художественный и познавательный образ эстетического любования и значения, для нас чрезвычайно важна. Наряду с другими, эта специфическая черта представляет собой почву и состояние культуры, которые являются продуктивными как для развития гуманитаристики, так и для становления и дальнейшего развития гуманистического движения. Культура и общественность, в контексте которой эстетическое отношение наиболее полно и последовательно воспроизводится не только во всеобщих, но и в совместных (совокупных) формах деятельности, является, на наш взгляд, наиболее благоприятной средой для движения гуманитаристики и развития гуманитарных наук.

Во всей общей деятельности и в современном (совокупном) труде используются различные «образы-орудия». Но диалектика всеобщего и совместного труда такова, что одни и те же «образы труда» могут переходить (и переходят) из одного типа деятельности в другой, взаимообогащая каждый из них и в высшей степени очеловечивая, одухотворяя. Но эта же диалектика может – и это происходит на самом деле – обеднять, расчеловечивать ту или иную деятельность, некритично ассимилированную (или под внешним давлением принявшую в себя) те или иные, не свойственные ей, чуждые ее природе «образы-орудия». Можно предположить, что «образы-орудия», сформулированные в контексте всеобщей деятельности (наука, искусство, медицина, образование и др.), являются конструктивными и благоприятными для труда совместного (совокупного). Что же касается «образов-орудий», культивируемых трудом совокупным (материальное производство, материальная деятельность), то относительно их всеобщей конструктивности и эвристической мощи можно усомниться. Так ли это? Не перечеркивает ли диалектический процесс взаимодействия всеобщего и совместного труда эти предложения? Какое место занимает этот процесс в общем движении гуманизации и гуманитаризации в современной культуре?

Гуманистически действия и отношения с необходимостью включают в себя ценностные ориентиры и представления. Гуманитарное познание включает ценности, но при этом не всегда руководствуются ими. «Подчеркнем: даже когда ценности рассматриваются как существенные элементы человеческой реальности, наука о человеке должна воздерживаться от ценностных суждений: это значит, какие ценности данного сообщества или данного индивида направляют данные действия, или являются источником правил и норм их существования <...> Иначе говоря, проблема *обоснованности* ценностей не стоит даже перед науками о человеке» [1, с. 31].

Освещать это «ценностное пространство», с точки зрения Э. Агацци, – дело философии. Он характеризует «...это иное [отличное от научного. – В. Л.] пространство, в котором то, “как должно быть” является предпоставленной целью и потому – ценностью в подлинном смысле». Но, говоря о науке, Э. Агацци имеет в виду значение, отвечающее естественнонауч-

ным требованиям и идеалам. Любое другое знание он причисляет к философскому, относя его по ведомству «когнитивного стиля философии». Резонно отметить, что рассмотрение предмета и ситуации «не через эмпирический материал как таковой, а через фенологическую очевидность» [1, с. 33] вполне доступно и возможно разделить с философией гуманитарным наукам. Не говоря уже о том, что и «эмпирический материал как таковой» – не столь узкое «игольное ушко» для естественных наук, чтобы они не могли сквозь него протянуть любую теоретическую «нить». Снимаемая вопрос о гуманитарном познании, Э. Агацци приходит к парадоксальному выводу: «если мы сводим изучение человека к узконаучному уровню, мы тем самым не отрицаем его специфически человеческую природу» [1, с. 34].

Но в случае, если узконаучный уровень познания ориентирован на выявление закономерностей проявления *человеческой сущности* в форме *индивидуального*, к примеру, художественного творчества, а сквозь эту призму – на «предметы и ситуации» процесса и результата этого вида творчества – в этом случае насколько исследователь погрешит против требования Э. Агацци рассматривать предмет «через эмпирический материал»? Но, вместе с тем, он помещает познавательный взгляд и через «феноменологическую очевидность». Наверное, гуманитарное знание способно интегрировать в себе различные, а может быть, и многообразные подходы и методы, принципы и познавательные идеалы. Что же тогда остается для него фундаментальным в предметном отношении? Мы уже упомянули: рассмотрение предмета в его индивидуальной всеобщности. История и социология, лингвистика и психология, искусствознание и другие науки выступают в своем гуманитарном качестве именно тогда, когда они выявляют закономерности существования индивидуального в его всеобщих проявлениях.

Менее всего мы хотели бы здесь вступать в полемику с Э. Агацци (хотя внутренне эта полемика уже состоялась) или развивать свое понимание специфики гуманитарного познания. Наша цель скромнее и проще: мы видим необходимость в том, чтобы подчеркнуть, что в самом процессе самоопределения гуманитарных наук заложен принцип сохранения сущности научного знания: оно человечно, то есть в высшей степени гуманистично. Этот принцип можно было назвать принципом сокровенного индивидуального или скрытой (но и сохраняющейся) индивидуальности. Все попытки объявить ее в объективном научном познании «вне закона», свести «до минимума», противопоставить объективности (что легко получается при отождествлении субъективного и вне-, не- научного, ложного и т. п.) ни к чему, кроме забвения гуманитарной сущности науки как таковой, не привели. И, тем не менее, отдельные области естествознания все настойчивее обращаются к проблеме гуманистических ориентиров как внутренних, а не внешних, интенций науки. Наши обобщения современной науковедческой и методологической литературы дают некоторую возможность сделать гипотетический набросок поворота к проблемам индивидуальной всеобщности, который явно намечился в современном познании. Кратко это поворот можно обозначить как изучение и овладение индивидуальным миром, в котором творит, действует, живет индиви-

дуальное общество. Под овладением здесь понимается такое «социоконструирование», которое исходит из:

- предметно-чувственного постижения индивидуальности единичного, особенного, общего и всеобщего;
- теоретического постижения индивидуальности в абстрактно-всеобщем и конкретно-всеобщем;
- духовно практического постижения индивидуальности живого, сотворенного человеком.

Нам представляется, что новая гуманистичность сопряжена именно с таким подходом к любым проблемам практической жизни общества и человека. Гуманитаризация науки, проникающая и все шире охватывающая сферы человеческой культуры и общественных отношений, переходящая таким образом в культурную гуманитаристику, смыкается с гуманизацией социума. Общий корень этих понятий проявляется в самих процессах человеческого бытия.

Э. Агацци, опираясь на различного рода исследования философии науки, убедительно подчеркивает, что «научные теории <...> приобретают свою форму в некоторых общих концептуальных рамках, которые принято считать “метафизическими” (читай философскими)». «Это позволяет нам учитывать герменевтический компонент науки, которым, к сожалению, часто пренебрегали, но в настоящее время за ним признается все большее значение. Герменевтический компонент не только задает предварительное ориентирование в процессе конструирования теорий, но постоянно наличествует в их эволюции, взаимодействует с ними по принципу обратной связи, участвует в определении релевантности фактического и экспериментального материала, играет важнейшую роль в процессе выбора теории. Если это верно по отношению к физике, химии, биологии и космологии, то еще вернее по отношению к наукам о человеке; определенная философская концепция человека лежит в основаниях любой психологической, социальной, экономической, исторической, лингвистической или кибернетической теории (и наоборот, по принципу обратной связи развитие этих научных областей способствует определенной ревизии общефилософских концепций человека) [1, с. 25–26]. Здесь, как мы видим, Э. Агацци очень тонко и проницательно подметил связь философии и науки, выражающую гуманитарную природу научного знания как такового. Тем самым он как бы наметил пути возвращения науке ее гуманитарной природы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. **Агацци, Э.** Человек как предмет философии / Э. Агацци // Вопросы философии. – 1989. – № 2.
2. **Лосев, А. Ф.** Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – М., 1982.
3. **Пушкарёва, Е. А.** Гуманизация образования как нравственный фундамент развития общества / Е. А. Пушкарёва // Философия образования. – 2009. – № 1 (26). – С. 200–204.
4. **Хомутцов, С. В.** Проблема гуманитаризации и гуманизации в современном российском образовании / С. В. Хомутцов // Философия образования. – 2008. – № 3 (24). – С. 74–81.